

Татьяна Янковская

**ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО
В ГИПЕРБОРЕЙСКЕ *ИЛИ* В
ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
И ВРЕМЕНИ**

Серия «„Время“ читать!»

Татьяна Янковская — прозаик и эссеист, живет в США. Ее первая книга «М&М. Роман в историях» была тепло встречена критиками и читателями России и русского зарубежья. Тема новой повести — драма и радость детства, соблазны и разочарования, дружба и влюбленности, ежедневные маленькие открытия, определяющие судьбу и характер. Эпизоды складываются в мозаику, воссоздающую картину 1950—60-х годов. В текст включены отрывки из дневников автора, которые помогают прочувствовать атмосферу тех лет и связь настоящего с прошлым.

От автора

Когда моя дочь училась в первом классе, им задали в школе нарисовать свою комнату. Наташа нарисовала ее простым карандашом в альбоме для рисования и показала мне. Это был вид комнаты от входной двери, в глубине ее было окно. Все было на своем месте — это был очень хороший для первоклассницы рисунок! — но каждый предмет был изображен таким, каким его видела Наташа, когда им пользовалась. Так, настольная лампа была изображена снизу, как она ее видела, когда учила уроки. Под кроватью был нарисован ящик с игрушками, хотя от двери его не было видно, но Наташа всегда видела его, когда подходила к кровати. Письменный стол был изображен с той стороны, где она сидела, тогда как от двери была видна противоположная застекленная половина с книжной полкой. Я подвела Наташу к двери и показала, что оттуда все выглядит не совсем так. Рассказала про закон перспективы. И предложила ей исправить рисунок — стереть то, что неправильно, и нарисовать по правилам. И ребенок стер и нарисовал «правильно», в соответствии со взрослым видением и законами перспективы. До сих пор я чувствую себя преступницей, когда думаю об этом своем вмешательстве. Чудесный рисунок, запечатлевший мир, увиденный глазами ребенка, был навсегда утерян! И всегда ли закон — перспективы или любой другой — прав, заставляя нас изображать то, что мы видим, по установленным кем-то правилам? Я вижу, как усердно стирают ластиком многое, что реально существовало во времена моего детства, и рисуют взамен другое, с позиций сегодняшней перспективы, которая завтра может быть заменена другой. Черное часто становится белым, белое черным, красное — серо-буро-малиновым в крапинку. А иногда столь усердно трут резинкой, что бумага протирается до дыр и исчезает часть обстановки, в которой мы выросли. И когда я нашла свои старые школьные дневники, мне показалось интересным рассказать о том времени так, как это виделось тогда, забыв о том, что положено говорить сегодня. Хотя записи немногочисленны и нерегулярны, в них запечатлено время без ретуши и без патины, что помогает не соврать и не сфальшивить.

Эта книга не автобиографическая, ведь такой дневник могли вести в те годы многие девочки. Ничего в нем нет

необыкновенного, это не дневник вундеркинда Али Эфрон, дочери гениальной Марины. А то, что не вошло в дневник, я тоже старалась не замутировать сегодняшним восприятием, не смотреть ни сквозь розовые, ни сквозь черные очки. Это не только мой опыт, но и моих близких и друзей, которые росли в то время, которое, удаляясь, порой уносит с собой и пространство, в котором протекала наша жизнь. Так, город на Урале, где я жила в школьные годы, «стоящий на калийных копях, в буквальном смысле уходит из-под ног. Образовался огромный провал... гигантская воронка, которая продолжает увеличиваться в размерах». Так пишут в газетах. В зону возможного проседания грунта попали двадцать девять жилых домов, две школы, два детских сада и участок железной дороги. Среди них мой дом, мой детский сад, обе школы, где я училась. Там теперь никто не живет, не учится, не бегает по улицам. Они пусты. Разрушен Дворец культуры, в котором кипела жизнь, с которым связано столько воспоминаний. Земля, по которой я ходила тринадцать лет, исчезает, как древняя северная страна Гиперборея, которая, согласно легенде, могла находиться и в районе Уральских гор. Как писал древний историк, «за этими горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами... Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Эта книга посвящается городу моего детства, моим старым товарищам и учителям, которые, казалось, потерялись навсегда, а теперь иногда возвращаются благодаря Интернету, моему дедушке, который был арестован и бесследно исчез задолго до моего рождения и которого я подарила своей героине. Может быть, мы еще научимся видеть ушедшее время таким, каким оно было, и тем самым не дадим нашему прошлому исчезнуть бесследно. Ведь у человека и народа без прошлого не может быть и будущего. Недавно ушедшая из жизни Ольга Бешенковская, может быть, лучшая из «котельных поэтов», отвергшая сначала доперестроечную несвободу, а потом перестроечный карьеризм и лицемерие «халявного рая» эмиграции, писала, что «если бы каждый из нас взгляделся в себя не под сиюминутным углом честности, в обществе бы не было такой конфронтации. Ибо все мы жили в этой стране и этом времени».

«... слово лишь социальное сырье, и чрезвычайно податливое и обратимое. Но зачем пользоваться сырьем, когда можно иметь полуфабрикаты?.. «Полуфабрикатами» также могут быть и личные происшествия с автором, насколько это действительные и, стало быть, искренние непорочные факты. Ведь искусство получается... в результате сложения (или помножения) социального, объективного явления с душой человека...»

Андрей Платонов. Фабрика литературы

*Весов холодных помню я прикосновенье,
спиною помню
И сладкой струйки внутрь тёплого течения
губами помню.
Потом — провал. Потом — как озаренье
открылось зренье.
Жужжанье мух. И новым ощущеньем
открылся слух...*

Катя Яровая

1

Темно. Холодно. Нева. Аню несут на руках. Ей нет двух лет. Громкие хлопки залпов. Взлетают и падают охапки разноцветных огней над Невой. Красиво и страшно.

Днем на улицах весело. Лошади с косичками, в косички вплетены голубые или красные ленты. Дяденька без ног на дощечке с колесами мчится по тротуару, отгалкиваясь от асфальта деревянными утюжками.

2

Два года. Нянька Нюра. Она злая. Проколола Ане уши и вдела сережки. Папа и мама негодуют. Аня не любит Нюру, не слушается ее, не хочет одеваться. Надевает платье, как штаны, просунув ноги в рукава и, поддерживая подол руками на талии, выходит на кухню. Она думает, что это очень смешно, но никто из соседок не смеется. Нюра тащит ее в комнату, больно бьет. «А еще девочка называется! Сиди здесь! Чтоб я тебя больше не видела!»

В комнате поет маленький голубой радиоприемник. Аня перестает плакать и поет вместе с приемником «Две ласточки». Очень красивая песня, особенно одно место без слов, где только голосом выпевается чудесная мелодия. Как в «Жаворонке» и «Соловье», которые тоже часто поют по радио, и папа их поет. Он очень хорошо поет, и Аня ему подпевает. Она уже узнаёт и может напеть сорок арий, романсов и песен, папа записывает их в записную книжку. Она давно уже умеет хорошо говорить, но почему-то в последнее время говорить стало трудно. Говорят, это потому, что она испугалась. Аня знает, что ей полезно петь, и поет даже больше, чем раньше. А еще дедушка с ней занимается. Они забираются с ногами на большую высокую кровать, где ночью спят мама с папой, и хором говорят нараспев «мама, па-па, А-ня, ду-ра» — и смеются. «Но-га, ру-ка, по-па» — и опять смеются. Дедушка немножко шалун, а папа большой шалун. Он поднимает Аню на одной руке к потолку, мама говорит ему «перестань!», а Аня кричит «еще, еще!».

У дедушки своя маленькая комната, а в большой комнате живут мама с папой, Аня и раньше жила Нюра, но больше она у них не работает. Аня теперь ходит в академический детский сад. Ей еще нет трех, но дедушка договорился, и ее приняли,

потому что она говорит не хуже трехлетних — она уже не заикается — и очень самостоятельна. «Я сама!» — говорит она, когда взрослые хотят ей помочь. Шнурки на ботинках умеет завязывать не хуже мамы и даже лучше папы, он их подружому завязывает, труднее. Даже шарф не дает завязать сзади, как у других детей, и у нее единственной он завязан под подбородком. Они ходят гулять парами. Солнце такое яркое, капли падают с крыш. Все дети сняли варежки, и они болтаются из рукавов на резинке. Аня ходит в паре с Татой Ивановой. Хорошее имя — Тата.

Кто-то разбил стакан с киселем, и воспитательница ругает Аню. «Это не я!» Но воспитательница не верит и ставит ее в угол, а вечером жалуется папе. «Это ты сделала?» — спрашивает папа. «Нет!» Не может же она сказать, что она, если это не она. Кто — Аня не знает. «Аня никогда не врет, — говорит папа. — Она всегда говорит правду». Ане приятно, что папа ей верит. Оказывается, она никогда не врет, а она и не знала!

Мама и папа взяли Аню на первомайский парад. Ей разрешили снять пальто и остаться в нарядном синем шерстяном платье с белым воротничком. У нее новый красный фетровый капор, в руке красный флажок. Всюду музыка, цветы, папа иногда несет ее на плечах, и Ане хорошо все видно. Дядя Веня из папиного университета подарил ей «раскидай» и «уйди-уйди». Никогда еще ей не было так весело.

Летом Аня едет с садиком на дачу. Большой дом с колоннами, большая лужайка. Мама с папой приезжают к ней по воскресеньям. К их приезду Аня всегда надевает светло-голубое батистовое платье с вышитой кокеткой, от которой колоколом расходится слишком длинная юбка, и собирает для них букет цветов. Потом они уезжают, а Аня остается. А однажды они приехали и забрали ее с собой, хотя другие дети остались. Анина кровать стоит теперь в дедушкиной комнате, она будет там жить. Дедушка уехал далеко-далеко. В садик она ходить больше не будет, ведь это дедушка работал в Академии наук, а не мама с папой.

Папа учится в университете, во время войны он не учился, потому что был на фронте. А бабушка погибла во время войны от бомбежки. У папы есть орден, медали, офицерский ремень и планшет, с которым Ане можно иногда играть. А ремнем папа однажды вечером шлепал Аню. Она лежала в своей кровати, а папа сидел рядом на стуле, размеренно опуская ремень. Ане не больно, потому что на ней синие

теплые штаны с начесом, которые ей обычно надевают в холодную погоду, но ужасно обидно. Папа хотел, чтобы она перестала плакать и спала, тогда он перестанет ее шлепать, а она всхлипывала и не могла остановиться.

Когда мама поздно приходит из аспирантуры, Аня проводит вечера с папой и его друзьями. Они играют в преферанс и курят, над столом поднимается синий дым. Они рассказывают анекдоты и смеются. Аня говорит, что тоже знает анекдот. «К одной тетеньке пришел дяденька умывальник чинить, и тут пришел муж. Дальше я не помню, но очень смешно». Все смеются. И Аня смеется, как большая. Только папа не смеется. А дядя Веня садится на пол напротив Ани, и они начинают играть, катая друг другу большой мяч. Потом мама приходит из аспирантуры, открывает форточку и ругает мужчин, что столько курят при ребенке.

Днем Аня ходит к соседке тете Шуре. У тети Шуры железная кровать с белым кружевным подзором, занавесками на спинках с обеих сторон и пирамидкой из подушек. В комнате у нее всегда темно, у Ани светлее. Тети-Шурин муж дядя Володя хороший, он любит Аню. Еще он любит водку. Иногда по вечерам тетя Шура кричит у себя в комнате. Она носит длинные темные юбки. Вместо одной ноги у нее большой деревянный ботинок. Она медленно поднимает его при ходьбе и тяжело ставит на землю.

3

Мама ищет няню. Они пошли в баню. Не мыться, а за домработницей. Там, в комнате на верхнем этаже, много железных коек, как у тети Шуры, только узких и без занавесок и подзоров. На них сидели и лежали женщины, некоторые с детьми. Они приехали в Ленинград после войны из деревни. У каждой кровати тумбочка, на одной тумбочке девочка с длинной косой в коричневом платье и с карандашом в руке разложила тетрадку. Аня подходит к ней:

— А что ты рисуешь?

— Я не рисую, я пишу.

— А что ты пишешь?

— Уроки делаю.

Аня поколебалась, вытащила из кармана конфету и дала девочке с косой. Девочка сразу ее развернула и сунула в рот.

Мама увидела Тоню, та тоже лежала на кровати, и Тоня увидела маму. Заметив маму, встала, оделась, взяла баул:

— Я готова, Ольга Петровна!

— Пойдем, Анечка!

Мама берет Аню за руку, Аня берет Тоню за свободную руку и идет между ними вприпрыжку, иногда подтягиваясь на руках и поджимая ноги. Тоня будет у них жить. Летом Аня поедет не на дачу с садиком, а к Тоне в деревню.

Чуй-чуй-чуй-чуй!
На дороге не ночуй:
Едут дроги во всю прыть,
Могут ноги отдавить.
А на дрогах сидит дед,
Ста четырнадцати лет,
А у деда борода —
Вот оттуда и сюда,
А оттуда через сюда
И обратно вон туда.
Если эту бороду
Расстелить по городу,
То проехали б по ней
Сразу тыща коней...

Ане нравится это говорить, как будто медленно тараторишь, раз-два, раз-два, раз-два, раз. Больше похоже на считалку, а не на стихотворение. Это мама ее научила. Наверно, этот дед большой, седой и косматый. Сто четырнадцать лет — это очень много. А вот борода у кого больше, интересно, — у него или у дядьки Черномора? Папа тоже знает много интересного. Вот, например: «За буфетом, под паркетом, у стены Алеша жил. Он зимой и даже летом в шубке серенькой ходил». Как будто про мальчика Алешу, а на самом деле это про мышонка. Аня терпеть не может мышей, но этот Алеша ей нравится. А еще они с папой поют про муху:

Снег в окно стучится глухо
Зимний ветер дует.
На окошке сидит муха,
Думает, горюет:
«Вот кабы мне валенки,
Полушубок маленький
Да суконные штаны —
Дожила б я до весны!»

Мух Аня тоже терпеть не может. Но эта, в валенках и теплых штанах, синих с начесом, как у Ани, ей очень

симпатична. Еще ей поют колыбельные. Мама — «Спи, моя радость, усни», Тоня — «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», папа — «Месяц над нашей крышею светит»: «Спи, мой воробышек, спи мой сыночек», только вместо «мой сыночек» он поет «мой Нюточек». Папа хотел, чтобы у него был сын, но Аня, он считает, не хуже. Хотя Нюра говорила, что Аня хуже мальчика. Иногда зимой, когда Аня гуляет в валенках, шубе, шапке и башлыке, прохожие у нее спрашивают: «Ты девочка или мальчик?» И Аня отвечает: «Я девочка, но я немножко похожа на мальчика». А еще в той песне есть слова «вырастешь скоро, дорогу укажет Сталин своєю рукой». Она знает стихотворение про Сталина: «Я маленькая девочка, играю и пою, я Сталина не видела, но я его люблю».

4

Темно, холодно, идет снег. Тоня катает Аню на санках. На Большом проспекте дует ветер, как в «Снежной королеве». Немножко страшно — вдруг ее сейчас унесут в ледяные чертоги, как Кая? Хотя она, конечно, не Кай, он же мальчик. Она — Герда, добрая, смешная девочка.

Когда маме и папе некогда, ей читает Тоня. Аня любит книги. Раньше у дедушки их было пять тысяч. Соседи их сожгли в печке в блокаду, а большой шкаф и стол не тронули, сохранили для них. Дедушка сказал, это потому, что они порядочные люди. Ане это непонятно. Разве порядочно жечь книги? Ведь книги для дедушки важнее. Папа говорит, что лучше бы мебель сожгли.

Папа водил Аню в театр! Они смотрели балет «Мальчик-с-пальчик». Аня знает эту сказку, но в театре впечатление совсем другое: ты сидишь в темном зале, а на освещенной сцене движутся фигуры. Это так таинственно. Еще она ходила на елку, и ей дали красивую треугольную бумажную шапку на резинке, с блестками.

Наконец они едут к Тоне в деревню! Сначала на поезде, а от станции на телеге, запряженной лошадей. Вот здорово! Но оказалось, что на телеге сильно трясет, и Аня не может дожидаться, когда они приедут. В деревне много лошадей, но они все без косичек. Ане дали прокатиться верхом на лошади без седла. Как далеко внизу земля! Весело и страшно. В деревне есть деревянный беленый клуб, там бывают танцы и кино. Аня узнаёт портрет кудрявого человека на стене: «Это

Пушкин!» — «Ну, эта девка не жилец, уж больно умная», — говорит толстая тетка. Аня вспыхивает: это ведь про нее! «Что ты, баба, белены объелась?» — говорит она тетке. Это из «Сказки о рыбаке и рыбке». — «Ах, ты-ы...» — шипит тетка и сжимает кулаки. Она похожа на Нюру. «Да бросьте вы, теть Клава, умничка девка, не наша деревенская, чё вы цепляетесь?»

У Тони есть подруги, и они вместе с Аней катаются по реке на лодке. Как это здорово, и почти не страшно! Они подплывают к кувшинкам, девушки их рвут и поют непривычную песню, таких она раньше не слышала: «Олечка цветик сорвет, низко головку наклонит: “Папа, смотри — василек! Твой поплывет, мой потонет”». Но ведь это кувшинки, а не васильки. Они не плывут и не тонут, стоят на воде не шевелясь. Значит, и Олечка не утонула, решила Аня.

Тоня берет Аню в кино — первый раз в жизни! В клубе идет «Тарзан». Посреди комнаты ставят лавки, на которых сидят взрослые, а дети впереди на полу. Интересно, но не так красиво, как в театре.

А потом за ними приехала мама. Все сразу стали готовить еду. Тонина мама чистит большие темно-зеленые огурцы, размашисто состругивая с них кожуру. «Как красиво вы чистите огурцы», — говорит мама. Пока взрослые не легли спать, Аня лежит на полатах. Хорошо! Но есть хочется. Она просит у мамы кусок черного хлеба с маслом и сахарным песком, она полюбила в деревне это кушанье. «Сейчас!» — говорит мама и продолжает паковать Анины вещи. Завтра чуть свет им надо ехать на станцию. «Мама, ну дай мне, пожалуйста, хлеб». — «Сейчас». Опять сейчас! «Сей-час», — повторяет она про себя, и вдруг до нее доходит, что это значит сей час. «А я хочу сию минуту!» — говорит Аня, довольная своим открытием, надеясь, что теперь мама ее поймет и сразу даст ей желанное лакомство. Но мама очень сердито сказала: «Подождешь, пока я освобожусь!»

В городе они теперь будут жить без папы. Он окончил университет, долго искал работу, а потом его отправили на Урал, в геолого-разведочную экспедицию. Наверно, это потому, что он лучше всех учился. Он ведь получал Сталинскую стипендию — больше, чем мама получала в аспирантуре. Но мама говорит, что не поэтому. Она ехать на Урал не хочет. Она надеется, что папа скоро сможет вернуться в Ленинград.

Рядом с их домом есть кинотеатр, иногда Аня ходит туда с Тоней. Они посмотрели фильм «Конек-Горбунок». Хорошенький конек, и Иванушка-дурачок заплетает ему косички, как у некоторых ленинградских лошадей. Рядом с кинотеатром музыкальный магазин, Аня давно уже любит там бывать. Продащица тетя Надя заводит для посетителей пластинки, и Аня танцует под музыку. А за магазином кондитерская, где они иногда покупают пирожные. Аня любит миндальные пирожные, но все ее уговаривают съесть пирожное с кремом. Ее всегда рвет от крема, как и от молока с пенками, которое ее заставляют пить. В деревне она пила сырое молоко, а здесь нельзя, надо кипятить. А в кипяченом, что ни делай, всегда пенки попадают. То ли дело паровозики — это Анина любимая еда: кусок черного хлеба с маслом разрезают на маленькие прямоугольники, и на каждый кладется кусочек селедки. Потом каждый паровозик можно повозить по тарелке и даже по клеенке, когда мама не видит, а потом отправить в рот. Вот вкусотища!

Елку в этот раз, без папы, ставили не такую большую. В прошлом году папа поднимал Аню, чтобы она надела блестящий пик на верхушку, а в этом году Тоня встала на стул и сама надела. Тоня познакомилась с офицером, скоро она выйдет за него замуж и не будет у них работать. Мама решила, что они все-таки поедут на Урал к папе. Хорошо уезжать! Все дарят Ане подарки. Дядя Веня подарил коробку конфет и лису — красивую, рыжую, в летнем платье, но без хвоста. Это муфта, ее привезли из Германии, ее не нужно носить на руках, как куклу. У нее живот, как сквозной карман — сунешь в него с боков руки, и им тепло внутри лисы. Все, наверно, удивляются: как это Аня ее держит? Видят — вот несет девочка девочку-лисичку, и никто не догадывается, что у лисички под платьем. А коробочка сделана как звезда. Синяя, с серебряными снежинками, а в середине — круг из прозрачного целлофана, и видно, что конфеты внутри шоколадные, изогнутые, как маленькие полумесяцы. Они с ликером, говорит дядя Веня. Скорей бы начать их есть!

6

Они приезжают в Гиперборейск, и Аня сразу заболевает корью. Она лежит в кровати — у нее теперь своя большая кровать — и в комнате горит синий свет. Это из-за того, что она болеет. Но вот, наконец она здорова и может идти в детский сад. Утром в городе, как всегда, гудит гудок, но не

перестает, как обычно, а все гудит и гудит. Аню приводят в группу. На стене портрет Сталина с траурной лентой. Все девочки плачут, одна Аня не плачет.

— Я-а ска-ажу-уу! — грозит ей одна из девочек пальцем.

— А что я сделала?

— Ты почему не плачешь?

— Я не плакса!

— Сегодня Сталин умер!

Вот оно что! Умер Сталин, тот самый, из колыбельной. Жалко, но почему-то Ане все равно не плачется. Интересно, здесь не так ябедничают, как в Ленинграде. «Я скажу про тебя!» — говорили ябеды у них в академическом садике, противно покачивая головой. А здесь говорят: «Я-а ска-ажу-уу!», раскачивая протяжные звуки и грозя в такт указательным пальцем правой руки, поддерживая ее под локоть левой. Да, здесь все подругому, придется переучиваться. Впрочем, Аня не ябеда, так что этой дурацкой манере нараспев обещать пожаловаться можно и не учиться.

Детям велют одеться, и они идут парами с калирудника, где находится садик, в город. Там на здании кинотеатра висит большой портрет Сталина в рамке из электрических лампочек. Лампочки включены, хотя сейчас день. Дети некоторое время стоят перед портретом, и воспитательница ведет их обратно. У многих детей поверх шапки надета шаль, крест-накрест на груди, а концы завязаны сзади на спине. Даже мальчишки некоторые носят шаль. В Ленинграде знакомые дети носили шубы, а здесь — зимние пальто, или «польта», как они говорят. А валенки у многих детей подшиты и выглядят почти как сапожки, но не на кожаной подошве, а на войлочной.

Через два дня им в садике гонят глистов. На завтрак дают молоко и картошку с селедкой — глисты этого не любят — и порошок с лекарством, а потом всех вместе сажают на горшки. Все здесь ново, непривычно, но и много интересного. Места в этом садике намного больше, чем в ленинградском.

У Ани заболело горло, и, хотя температуры нет, мама решила оставить ее дома. Они живут на втором этаже, а на третьем, в квартире над ними, временно находится лаборатория геологоразведки, которой заведует папа. Мама тоже там работает, пока это очень удобно, а потом она найдет другую работу. Сначала Аня играет с лисой и куклой, которую папа купил к ее приезду. Кукла очень большая, намного больше лисы, так что она, конечно, мама, лиса —

дочка, а Аня воспитательница. Потом Аня решила посмотреть новую книжку с картинками, потянула ее с сооружения из двух полок, стоящего на письменном столе в углу, полка накренилась, и с нее посыпались книжки — прямо на стоящую между столом и кроватью электроплитку с раскаленной спиралью. Мама оставила ее включенной, чтобы Ане не было холодно. Книжки загорелись. Аня первым делом выдернула шнур из розетки, потом побежала к телефону, стоящему на обеденном столе: «Позвоните по этому номеру!» У них с лабораторией параллельные телефоны. «Мама, у нас пожар!» Потом схватила со стола графин с кипяченой водой и, секунду поколебавшись, стакан (ее всегда ругают, даже ставят в угол за то, что она пьет воду из горлышка) и побежала к плитке. Теперь, когда плитка выключена, книжки горели не так сильно, но пламя перекинулось на белую занавеску на спинке кровати, — теперь у них такая же железная кровать с занавесками, как у тети Шуры, только без подзора и подушечной пирамидки, — и стремительно разрасталось. Аня быстро налила воду в стакан и начала поливать горящую занавеску и книги. Один стакан, другой, третий... Когда в комнату вбежала мама, пожар был уже потушен.

Мама велела Ане одеться потеплей и взяла ее с собой в лабораторию. Аня любит ходить в лабораторию. Ей нравится смотреть, как лаборантки титруют, и вода в колбе меняет цвет. Папы сегодня нет, но когда он там и у него есть время, он показывает ей фокус «фараоновы змеи»: поджигает спичкой кусочек какого-то вещества, и оно начинает расти, превращаясь в огромную змею с пестрой кожей. Но больше всего Аня любит шипучку, которую для нее готовят в мерном стакане мама или Ядвига Леонтьевна, которая живет в квартире напротив лаборатории, или их соседка Екатерина Андреевна, которая занимает в их квартире третью комнату. Этот кисло-сладкий шипучий напиток куда лучше, чем приторное сидро.

7

Кончилась зима, сошел снег. Мама с папой говорят, что надо больше бывать на свежем воздухе. Аня выходит во двор с мячом. У них большой двор, общий на два трехэтажных дома. Никого нет. Она начинает пинать мяч, как мальчишки, когда они играют в футбол. Неплохо получается. Она подпинывает мяч, он летит все дальше, Аня мчится вдогонку.

И вдруг видит впереди ряд белых простынь, перегораживающих двор. Откуда они взялись? На одной из них грязный след от мяча. Здорово! Аня отводит мяч в сторону и с размаху бьет ногой — раз! Еще одно пятно. Два! Еще одно. Весело! Она бьет по всем простыням по очереди, и вдруг кто-то хватается ее за руку. «Ты где живешь?» Делать нечего, она ведет толстую короткую женщину с усталым лицом и гладко убранными назад серыми волосами в свой подъезд. «Вот скажу папке-то, он тебя вспорет, будешь знать!»

Папа открывает дверь, нахмурившись, слушает тетку. Отсылает Аню в комнату. Через некоторое время хлопает входная дверь, и папа возвращается к Ане. Она уже знает все, что он ей скажет. Она раскаивается, но что делать? Теперь уже папа ведет ее за руку в подъезд, где живет эта тетя Вера. «Вера Анисимовна, Аня хочет перед вами извиниться». Аня совсем не хочет, но понимает, что надо, раз виновата — ведь тетя Вера стирала-стирала, а она... «Тетя Вера, простите, я больше не буду», — бурчит Аня. «Первый раз прощается». Тетя Вера вытирает руки фартуком, за спиной у нее Инька, чуть поменьше Ани. Он всегда выходит во двор бегать с куском черного хлеба с маргарином и куском сахара. Аня никогда не ела маргарин, только сливочное масло. И комбиджир у Ани дома никогда не покупают, только топленое или растительное масло. Иногда топленое продается прогорклое, но мама все равно покупает и перетапливает его. Мама не разрешает гулять с куском хлеба. «Надо поесть дома, а потом идти гулять». Ее отпускают гулять, а других — бегать. «Анька, айда бегать!» И еще ребята здесь говорят не мама и папа, а мамка и папка, как будто их родители плохие, а кукол называют катками.

Как только высох асфальт перед домом, девочки начали играть в классики. Аня быстро научилась и в простые классики, и в более сложные, когда на асфальте рисуют как будто человечка из квадратов. Еще мелом можно писать на асфальте слова. Аня почти не знает букв, мама против того, чтобы учить ее раньше времени: пойдет в школу — научится, а пока пусть играет, гуляет побольше. Нечего растить вундеркинда. Но Аня уже умеет писать *мама*, *папа* и свое имя с «я» задом наперед. Сегодня к их дому пришла играть Галя Бяширова из бараков. Она учится в первом классе. Галя пишет на асфальте свое имя и другие слова: дом, двор, машина. Сразу столько новых букв! Аня смотрит на них и

пишет *дядя, вода, гора, Маша*. Что бы еще написать? «Молоток! — говорит Галя. — Вырастешь — кувалдой будешь. Айда к нам!» — «Сейчас пойду спрошу». Она никуда не может уходить без разрешения.

— Нет! — говорит мама. — В такую погоду надо гулять, а не сидеть в душном помещении.

— Ну пожалуйста, ну хоть немножечко!

— Нельзя!

— Вы меня ни к кому не пускаете. Всем можно, а мне нельзя, — хнычет Аня.

— Нет! Играйте на улице.

Надувшись, Аня идет обратно. «Нельзя. Моя мамка злая-презлая, ни к кому меня не пускает». — «Хочешь, я пойду попрошу, чтоб тебя отпустили?» Аня кивает. Галя уходит и скоро возвращается: «Не-а, нельзя тебе». После ужина, когда Аня ложится спать, папа садится к ней на кровать. «Как ты могла сказать такое про самую лучшую на свете мамочку?» Аня сразу все понимает. Ей безумно стыдно, что она так сказала девочке, которая наябедничала на нее ее же родителям! Она бы никогда так не сделала. «Ты любишь маму?» — «Да», — шепчет Аня и представляет себе мамину голову, такую знакомую и близкую, ее руки, всегда занятые какой-то работой. Она чувствует глубоко внутри, что любит маму сильно-пресильно. Папа зовет маму, и Аня обнимает ее и целует. Папа прижимает Аню к себе, а потом поет ее любимую «Грустные ивы склонились к пруду» и мамину любимую «По мосткам тесовым вдоль деревни ты идешь на модных каблуках». Анина песня очень грустная, мамина веселая, хотя мелодия у нее чуточку грустная. Анина песня про что-то большое, мамина — про маленькое, но обе они про войну. В Аниной песне трудно держаться бойцу одному, трудно атаку отбить, и пришлось на рассвете ему голову честно сложить. А в маминой песне женщина идет по деревне в красивом платье, она прошла огонь, чтоб мирно жить, и ей положено по праву в самых модных туфельках ходить. Потом папа рассказывает, как он был маленький. Аня засыпает, решив, что никогда больше ничего не скажет Бяширихе и никогда, никогда, конечно, к ней не пойдет.

8

В июне детский сад выезжает на дачу. Они поселяются в большом деревянном доме. Аня не успевает толком ни к чему привыкнуть, потому что вскоре ее увозят в больницу: Борька

Сафин, кровать которого в спальне рядом с Аниной, заболел скарлатиной. У него подскочила температура, он бредил, и Аня от него заразилась. Ее положили в ту же больницу в Гиперборейске, что и Борьку, только в другую палату. Он сначала долго лежал в изоляторе, а потом его перевели в палату для мальчиков. Аня болеет не так тяжело, но все равно в больнице надо лежать целых сорок дней! Но это только называется «лежать», а вообще они играют. Девочки постарше в ее палате играют в театр, устраивают представления. Аня тоже участвует, хотя она самая младшая. Она знает много стихов, сказок, книжек, которые другим девочкам не читали, хорошо поет, и ей дают роли. Она и сама придумывает вместе с ними. Одно противно: каждый день утром и вечером делают уколы.

По вечерам девочки рассказывают смешные или страшные истории, Аня возбуждается и долго не может уснуть. Вот она вспомнила самое смешное и хихикает в темноте. «Ты мешаешь нам спать!» — говорит одна из старших девочек. «Вывести ее!» — говорит другая. Они вскакивают, стаскивают Аню с кровати, выводят ее, босиком и в ночной рубашке, в коридор и ставят в угол. Постояв немного, Аня возвращается в палату, но они закрывают дверь и не пускают ее. Но ведь они сами иногда мешают ей и другим спать! Стоять босиком на каменном полу холодно, и ужасно хочется спать. Через некоторое время Аню обнаружила дежурная медсестра, привела ее в палату и накричала на девочек. На следующий день старшие девочки наперебой играли с Аней, их выпустили в больничный двор, снова было весело.

Больше всего Ане нравится, когда ее навещают мама с папой. Они все вместе сидят за деревянным столом перед больницей, и Аня уплетает то, что они принесли. Ей приносят ягоды, фрукты, но самое ее любимое — печенье «Наша марка» с маслом, а теперь его еще мажут сверху черной икрой. Каждый раз ей приносят эти необыкновенные бутерброды. Ничего нет вкуснее! Перед этим даже паровозики бледнеют. Когда Аня рассказала маме с папой, как ее наказали старшие девочки, папа изменился в лице и пошел разговаривать с главврачом. Оказывается, девочки не имели права ее наказывать, они просто глупые девчонки, и она не должна была их слушаться, хоть они и старше. Не они здесь распоряжаются, а медперсонал. Не хватало еще, чтобы Аня простудилась и заболела, она и так уже в больнице. Это подло — воспользовались тем, что Аня младше и слабее.

Папа так ругается, что Ане даже немножко жалко этих девочек, ведь она с ними играет.

После положенного срока Аню задерживают в больнице еще на пять дней и продолжают колотить. Ей так это надоело — у нее уже все ноги выше колен синие. Но вот наконец ее выписывают. Детский сад еще не вернулся с дачи, и остаток лета Аня сидит дома или гуляет во дворе. В обоих концах двора круглые цветочные клумбы, одна из них с ноготками и маргаритками. Девочки обрывают лепестки маргариток и, посплюнув, наклеивают их на губы. Получается очень красиво, как будто губы накрашены помадой глубокого бордового цвета. На другой клумбе растут анютины глазки и львиный зев. Если сорвать цветок и сдавить его пальцами с двух сторон, он открывает маленькую пасть. А к анютиным глазкам Аня чувствует тайную нежность — ведь это ее цветы!

На следующее лето Аня не поедет с садиком на дачу, ее отправят на Украину к бабушке с дедушкой, маминим родителям. Может быть, она поедет с ними на море. Ура! Аня смутно помнит Финский залив — тоже море, но после отъезда из Ленинграда она моря не видела. Когда ей был год, она несколько месяцев жила у бабушки Лизы и дедушки Пети на Украине, но уже этого не помнит. Она решила написать им письмо о предстоящем приезде. Берет бумагу, желтый карандаш — он самый острый — и только собирается написать «Здравствуйте, дорогие бабушка и дедушка», как понимает, что не знает, как пишутся «з» и «у». Бежит к маме на кухню и просит показать. Мама показывает еще и «й», которое должно стоять после «у». Да, правда, эта буква слышится во многих словах — трамвай, сарай, воробей. У них во дворе есть Ленка Воробей и Нинка Соловей. Когда во дворе много ребят, они играют в такую игру: все становятся в круг, берутся за руки и, вприпрыжку двигаясь вокруг игрока, стоящего в центре, поют: «Скачет, скачет воробей-бей-бей, созывает всех гостей-стей-стей, мало, мало, мало нас, нас, нас...» — «Выйди, Леночка, за нас, нас, нас» — говорит стоящий в центре, выбирая Ленку. И, взявшись за руки, эти двое кружатся в противоположном направлении и выбирают себе новенького, и так каждый раз, пока их круг не становится больше.

Хоть мама и не хотела учить Аню читать, но теперь, когда Аня пишет письмо и бежит на кухню за недостающими буквами, она показывает их ей, и к концу письма Аня

обнаружила, что не только может писать отдельные слова, но и умеет читать! И началась новая жизнь, хотя Аня по-прежнему любит, когда ей читают вслух. Но все чаще она сама садится с книгой, и книги становятся все толще, а буквы в них все меньше, и картинок меньше. Картинки — это хорошо: раскраски, переводные картинки, красивые картинки в книжках — как, например, в огромном томе Пушкина, где много черно-белых рисунков, а цветные картинки закрыты папиросной бумагой, так что их смотришь дважды: сначала как будто в тумане, а когда осторожно перелистываешь шуршащий тонкий листок, они открываются во всей красе, оглушая цветом. Но когда умеешь читать, картинки не так уж и нужны, ведь все можно себе представить — и три царства, медное, серебряное и золотое, и Жар-птицу, и Аленушку с Иванушкой-козленком.

9

Аню оставили в средней группе еще на год. Она осенняя, и поэтому была в группе одной из самых младших. Мама решила, что нечего ей в школу спешить — это мальчикам нужно торопиться, чтобы до армии в институт поступить, а она пусть подрастет и окрепнет. В прошлом году она много болела, а теперь почти не пропускает. Воспитательница Евдокия Федоровна все время с ними занимается — то физкультурой, то рисованием, то музыкой. Она хвалит Анин голос и назначает ее запевалой. «Выйди, Маша, из ворот, из ворот, выйди, Маша, в хоровод, в хоровод», — поют дети хором. «Нет, подружки, не могу, не могу, братца Ваню берегу, стерегу», — грустно поет Аня. «На крылечке серый кот, серый кот, пусть он Ваню бережет, стережет», — уговаривает хор. «Серый котик, поскучай, поскучай, братца Ваню покачай, покачай», — звонко и чисто забирает вверх Аня.

Музыкант у них баянист Альберт Николаевич. Они разучивают танцы, похожие на игры. Вот они строятся в две линии друг против друга, продев руки за спины стоящих рядом, и один ряд наступает и поет «А мы просо сеяли, сеяли», потом с теми же словами отступает назад. Тогда противоположный ряд идет в наступление и отходит, выпеая: «А мы просо вытопчем, вытопчем. А мы просо вытопчем, вытопчем». И так они чередуются. «А чем же вам вытоптать?» — «А мы коней выпустим». — «А мы коней в плен возьмем!» — «А мы коней выкупим!» А в конце поют:

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru